

**ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЧЕЛОВЕКА: ОТ ЕССЕ НОМО ДО НОМО
SOVETICUS**
**(на примере произведений Максима Горьцкого, Василя Быкова и Светланы
Алексиевич)**

Ольга Губская
Минск, Беларусь

Аннотация: в данной статье на примере произведений классиков белорусской литературы М. Горьцкого, В. Быкова и С. Алексиевич рассматривается проблема осмысления феномена человека. Внимание акцентируется на концептах «брат»–«свой/чужой»–«красный человек» как маркерах изменения общественного мировосприятия.

Ключевые слова: феномен человека, литература, культура, рассказ, слово-акцент, ситуация, сознание, мировосприятие, homo soveticus, «красный человек», экономические изменения, развитие промышленности, революция, война.

«Во все эпохи человек думал, что он находится на “повороте истории”. И до некоторой степени, находясь на восходящей спирали, он не ошибался. Но бывают моменты, когда это впечатление преобразования становится более сильным и в особенности более оправданным», – писал Пьер Тейяр де Шарден в своем труде «Феномен человека» [5]. Экономические изменения, развитие промышленности, и наконец, пробуждения масс, влекущие за собой революции и войны, по мнению ученого, и являются теми «виражами мира», которые позволяют человеку ощущать себя «на повороте истории».

Литература как часть культуры – одна из тех составляющих, которая позволяет создавать впечатление об эволюции человека. Более того, культура, а вместе с ней и литература, сами подчиняются действию эволюции, фиксируя при этом все изменения.

Это один из тех источников, который насыщает нас опытом прошлых дней, не давая засохнуть, зачерстветь нашим сердцам в век высоких технологий, когда время летит с повышенной скоростью, не позволяя остановиться для осмысления того, что было, перед предстоящим будущим.

Именно поэтому сегодня, когда после Первой мировой войны прошло уже более 100 лет, хочется сосредоточить внимание на именах Максима Горьцкого, Василя Быкова и Светланы Алексиевич, чтобы поразмышлять на тему: что случилось с человеком, который пережил две мировые войны? Почему он, человек разумный, все равно стремится начать новую катастрофу?

Максим Горьцкий и Василь Быков были непосредственными участниками военных событий, Светлана Алексиевич – писательница, которой удалось зафиксировать через слово целую эпоху, то время, когда большую страну населил единый народ – homo soveticus. «У коммунизма был безумный план – переделать “старого” человека, ветхого Адама. И это получилось... может быть единственное, что получилось. За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип – homo soveticus», – читаем мы в пятой, заключительной книге цикла «Голос Утопии», которая называется «Время секунд хенд» (2013) [1, с. 7].

Однако на пути к homo soveticus, нужно было выстоять в Первой мировой войне, которая на самом высоком уровне зафиксирована в произведениях Максима Горьцкого. Рассказ «Русский» (1915, опубликован в 1925), несмотря на малый размер, наилучшим образом демонстрирует нам момент изменения внутреннего состояния человека на войне, показывает, каким был первый шаг к нивелированию внутреннего «я», к переходу в безликое, обобщенное «мы».

Итак, перед нами события Первой мировой войны. Во время «длительного и мирного стояния в тихом месте второстепенного фронта» встречаются в поле двое мобилизованных в армию солдат – русский (белорус, призванный в русское войско из западных окраин Российской империи) и австрияк (по речи, скорее всего украинец, мобилизованный на войну в войско австрийское из империи Австро-Венгерской). Русский до войны «был обыкновенным землепашцем Могилевской губернии: был здоров, но несколько медлителен; способный от природы, но неграмотный, неотесанный. Одетый в солдатскую форму, он ни в чем не изменился, только приспособился к своей новой жизни». Австрияк, наверное, тоже был обычным семьянином, хозяйственным человеком. По сути, они жили одинаковым порядком и, естественно, не испытывали ненависти к человечеству. Момент их встречи в период войны и есть кульминация повествования, которая демонстрирует нам, как человек обычный превращается идеологией в машину для убийства.

Психология поведения героев повествования лишний раз подтверждает, что человек не создан для войны, его первичное желание в критической ситуации – самосохранение: «Оба одновременно присели: Русский присел от страха, австрияк, вероятно, по той же причине. Продолжалось это одно мгновение, а казалось — вечность» [3, с. 103]. Затем враги даже «поздоровались, как давние друзья. Потом сели, но только уже рядом – и ружья положили, каждый со своей стороны» [3, с. 103]. Горьцкий создает уникальную ситуацию, с одной стороны, дружеского доверия, а с другой – понимания военного долга. Сначала австрияк, четко понимая, что идет война, искренне говорит Русскому: «Чи веды мянэ до Руссии, чи разойдэмся», и слышит в ответ: «Нет, братец, иди-ка ты к своим» [3, с.104]. В данном диалоге «братец» – то слово-акцент, на котором стоит сосредоточить внимание. Все люди братья – приблизительно так сказано в Библии, на основе этого понимания крестьяне воспитывали своих детей. Однако общая идея войны, в основе которой лежит разделение человечества на «своих» и «чужих», игнорирует библейскую истину.

Влияние идеи на сознание человека, ее власть над человеком хорошо понимал писатель Горьцкий, который сам стал жертвой идеи, из национального возрожденца превратился во «врага народа» – так работала идеология 1930-х гг. Мгновенность и

опасность подобной метаморфозы он пытался передать в рассказе. Для примера приведем рассуждения Русского: «Он (Русский – прим О.Г.) старался понять, хорошо ли все то, что он делал. И вдруг блеснула в его голове мысль, и он, чтобы не опоздать, и чтобы потом не жалеть, что был вороной, сделал уже шагов десять, сказал самому себе: «Э, что же я за вояка». Точнее не сказал, только промелькнуло так в его голове... Обернулся, прицелился и без раздумий нажал пальцем курок:

— Тах!

Хлопок был глухим и коротким. Австрияк сперва зарылся носом в пахоту, стукнув железной фляжкой, из которой пили водку, о свое ружье, затем перевернулся лицом вверх — и очень жалобно и протяжно застонал» [3, с.104].

Ниже читаем следующее:

— Що ций москаль наробыв... Зостанэцца моя жинка и диты [3, с.104].

Вот очевидная демонстрация поглощения человека идеей. Еще минуту назад перед нами был простой человек, крестьянин, который с любовью возделывал землю, и через минуту он превратился в убийцу, так как вспомнил, что на войне нет людей-братьев – есть или «свои», или враги. Так понятие «брат» уступило место понятию «враг», а виновата в этом военная идеология, направленная на уничтожение противника, и еще – отсутствие в персонаже национального самосознания, которое одновременно превращает белоруса в преданного воина и жертву за чужие для него интересы Российской империи на фронтах Первой мировой войны. Герой рассказа Горещкого еще не совсем духовно потерянный человек, так как после убийства мучается душевно, чувствует себя живым трупом, его «второе я» кричит от боли. Как правильно заметила Е. Леонова: «суггестивно в “Русском” прочитывается аллюзия на ветхозаветное представление о Каине и Авеле, о первом в истории человечества братоубийстве. Убит Авель, но Бог слышит его “голос крови”, низводящий в пропасть самого убийцу, Каина» [4, с. 158].

Таким образом, в рассказе «Русский» Горещкий показал, как уничтожается, так сказать, «самочеловек», превращается в «народную массу» с коллективным сознанием. Позже, в записках «На империалистической войне» (1926) писатель напишет: «Да здравствует война — уничтожение скотов скотами! Мы не люди, мы — быдло...» [3, с. 272]. А пока что мы имеем душевнобольного, организм которого сопротивляется уничтожению человека человеком. Но «тах!» – механизм идеологизации сознания запущен.

Рассказ «Русский» сильно поразил Василя Быкова. Как свидетельствует Радим Горещкий, племянник писателя М. Горещкого, именно под эмоциональным воздействием от этого произведения Быков написал рассказ «Желтый песочек» (1997). Это произведение переносит нас в атмосферу 1930-х годов, когда сталинская машина начала работу по зачистке страны от «врагов народа». Быков, в характерной ему художественной манере, отражает один момент из жизни «врагов народа» – их везут на расстрел. Уже никого не удивляет, что существуют «свои»: большевики, чекисты, пролетариат, и «чужие», «враги народа»: «польские шпионы», «белорусские националисты», «кулаки», «буржуи». Один из героев рассказа, «буржуйский чмур Валерьянов», который четко осознавал, что после расстрела его дети останутся одни, на мгновение задумался: «На што спадзявацца малечы бяз бацькі і маткі – на добрых людзей? Але дзе тыя добрыя людзі. Вывеліся дарэшты. Асталася надзея на сьвятое правідзеньне, на Госпада, які няўжо не паможа?» [2, с. 175].

Так, место Госпада заняла большевистская идеология, которая давала индульгенцию за грех убийства. Однако писатель делает акцент не столько на жестокости обращения с «врагами народа», сколько на моменте метаморфозы, мгновению преобразования «своего» в «чужого». Если Горещкий еще акцентирует наше внимание на духовных поисках, самоанализе литературного персонажа, то Быков показывает, что уже при советской власти человек почти полностью теряет право на внутреннее «я» и становится марионеткой в руках системы – сегодня ты свой «брат» среди чекистов, а завтра тебя же твои «братья» везут на расстрел.

Именно такой судьбой наделил В. Быков Сурвилу, недавнего следователя отдела НКВД. Ему обидно, что его везут на расстрел, не делая разницы между ним и настоящими «обычными» врагами народа. В своем понимании он честный, чистый перед партией человек, даже соглашается, что «дапушчаў і перавышэнне, і незаконныя мэтады – і біў, і ламаў косці – “даваў дразда”. Але ж хіба ён адзін? У іхнай управе так працавалі ўсе, – стараліся, ня спалі начэй, выбівалі ўсё, што можна было выбіць з арыштаваных. <...> Часам перабіраў, гэта праўда. Але ж на карысьць справы, не для сябе <...> Так што, як глядзець, як вінаваціць. Калі строга, паводле новай правазаконнасці, дык, можа, і правільна – ён вінаваты. А калі паводле рэвалюцыйнай, пралетарскай... Зрэшты, ён ня дужа апраўдваўся – прызнаваў усё. Але ў глыбіні душы хацелася спадзявацца, што пакараюць ня надта. Усё ж ён не такая контра, ня польскі шпіён ці беларускі нацыяналіст. Ён жа свой **брат чэкіст**» [2, с. 167]. Опять это слово «брат», к нему обычно обращаются как к шансу на спасение, но как сузились пределы этого понятия «брат»! В рассказе Горещкого это еще был ««браток” славянин», у Быкова уже «брат чекист». И чем больше будет сужаться понимание братства, тем жестче будет время и оскорбительные расправа.

Рассказ Быкова не только эмоционально напряженный, но и глубоко философский, экзистенциальный по своему содержанию. Герои Быкова находятся в психологически сложной ситуации – они вынуждены выталкивать из трясины машину, которая везла их на место расстрела. Быков ставит подрасстрельных людей перед выбором – толкать или нет толкать машину, попытаться сбежать или хотя бы запротестовать?! Впечатляет то, что почти никто даже не оспорил приказ чекиста. Только один, московский грабитель Зайковский, смело крикнул: «Я прыговораны, мне не паложана штурхаць машыну... Крымінальны кодэкс РСФСР, стацыя сто дваццаць сем прым. Чытаў?» [2, с. 185]. Безусловно, через этот эпизод мы чувствуем боль Быкова за белорусскую терпимость, в определенной степени неуважение к себе, а в какой-то степени и за возникновение формулировки «свои белорусские враги». Даже в конце произведения читаем: «Са сваімі беларускімі ворагамі Косьцікаў ня меў вялікага клопату, тыя заўсёды былі паслухмяныя і перад ямай паводзілі сябе, як авечкі. Турма, доўгія месяцы допытаў, суд ламалі іх канчаткова, і расстрэльваць такіх было нават нудна» [2, с. 203].

Но что мог сделать человек того времени, как он мог противостоять системе, идеология которой была априори поставлена выше любых принципов, а прежде всего – библейского человеколюбия, братства. «Мы павукі ў банцы! Дазнаецца Сталін...», – набрался силы и прокричал бывший «брат чекист» Сурвила перед расстрелом.

Да, люди, которые поставили себя на служение бесчеловечной идее – «пауки в банке», имеющие право на жизнь, пока не истечет срок их «угодности». Но сильно впечатляет в словах Сурвилы и последнее предложение, в котором прочитывается апелляция к Сталину. Это уверенная вера, даже в конце жизни, в правоту главного идеолога вызывает трезвое понимание того, что человек видоизменился, превратился в новый тип, который Светлана Алексиевич называет сегодня **«красным человеком»** или *homo soveticus*, которого ни с кем не перепутаешь. «Узнаешь сразу! – утверждает она. – Все мы, люди из социализма, похожие и непохожие на остальных людей – у нас свой словарь, свои представления о добре и зле, о героях и мучениках. У нас особые отношения со смертью. Постоянно в рассказах, которые я записываю, режут ухо слова: “стрелять”, “расстрелять”, “ликвидировать”, “пустить в расход” или такие советские варианты, как: “десять лет без права переписки”, “эмиграция” <...> В общем-то, мы военные люди. Или воевали, или готовились к войне. Никогда не жили иначе. Отсюда и военная психология. И в мирной жизни все было по-военному. Стучал барабан, развевалось знамя... сердце выскакивало из груди... Человек не замечал своего рабства, он даже любил свое рабство» [1, с. 8].

В книге «Время секунд хенд» писательница делает попытку проанализировать опыт советского времени, разобраться в жизни «красного человека». Книга проникнута многоголосием, там говорят все – герой и враг, палач и жертва. Сегодня Светлана

Алексиевич уверенно отметила, что измученный социальными катаклизмами «человек просто хочет жить, без великой идеи» [1, с.8] Здесь опять хочется вспомнить труд П. Т. де Шардена «Феномен человека»: «Под изменением эры — изменение мысли. Но где найти, где поместить это обновляющее и тонкое изменение, которое, не меняя заметно наши тела, делает нас новыми существами?» [5].

К сожалению, Максим Горецкий и Василь Быков почувствовали порочность «великой идеи» классовой борьбы против соотечественников на собственных судьбах. Но на историческом пути от «esse homo к homo soveticus» они остались людьми со своей собственной позицией, преданными гуманистической идее национального Возрождения ради нового будущего Беларуси и ее народа, о чем свидетельствуют их произведения. Став «новыми существами», они не вписались в контекст «измененной эры». В своем сопротивлении измерению «homo soveticus», к сожалению, им не нашлось достойного пространства при жизни. Светлана Алексиевич, объединившая в своем жизненном опыте две эпохи, все же смогла уловить волну «изменения мысли» и зафиксировать ее в слове.

1. Алексиевич, С. Время секунд хенд / С. Алексиевич. – М.: Время, 2013. – 512 с.
2. Быкаў, В. Жоўты пясочак / В. Быкаў // Сцяна. – Мн.: Наша ніва, 1997. – 384 с.
3. Горецкий, М. Родные корни: избранное. – Мн.: Звезда, 2014. – 352 с.
4. Лявонава, Е. Творчасць Максіма Гарэцкага ў святле еўрапейскага літаратурнага досведу (на прыкладзе апавядання «Рускі») / Е. Лявонава // Максім і Гаўрыла Гарэцкія. Жыццё і творчасць (да 120-годдзя з дня нараджэння Максіма Гарэцкага). Матэрыялы XXI Гарэцкіх чытанняў. – Мн., 2013. – 242 с.
5. Шарден, П. Т. Феномен человека / П. Т. де Шарден [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/shard01/index.htm>. – Дата доступа: 28.11.2016.